

Феруза ИБРАЕВА

ПОВЕСТКА

Р а с с к а з

Памяти Сажиды Валиахметовой

В половине одиннадцатого вышла подышать у входа в кафе. Из динамика долетает гимн. Понятно: недалеко, на площади, где Вечный огонь, — отправка мобилизованных. Еле слышно — чья-то речь. Грянул марш. Отправка, точно. Стылый осенний дождь. Представляю, как холодно, склизко, плохо в душах провожающих, а мужики держатся, теперь они солдаты.

Минут через сорок снова вышла. Нехорошо мне, тревожно. Зазвучала сирена. На дороге показалась машина с мигалкой, за ней громадный красно-черный автобус. Лучше бы желтый, веселее. Я проводила его взглядом, послала вслед мысленное пожелание — возвращайтесь. Живыми.

Интересно, глава региона приехал в промозглый, дождливый день к Вечному огню или работает в кабинете? Спросить некого. И почему у первых лиц в основном дочери?

Вернулась работать в свой цех холодных закусок. Кафе на хорошем счету, едоки не переводятся.

Я не знаю, где правда. У каждого она своя. У меня «свой огород», потому публично вопросов не задаю. Каких? Извечных: кто виноват, что делать, как закалялась сталь. Это смелые задаются суровыми вопросами.

Несколько месяцев назад во время торжественной церемонии прощания с погибшим воином обычная российская женщина, получив звезду Героя России за ратный подвиг сына, произнесла речь: «Многие матери, потерявшие в этой спецоперации сыновей, дочерей, скажут: почему мой, почему он?» Естественный возглас скорбящих матерей. Но она неожиданно спросила: «Но почему должен быть другой, почему не твой?»

Давненко не задавался этот простой вопрос гражданам и гражданам. Привыкли они по-другому вопрошать: «А почему я? Чуть что, так сразу — Косой, Косой». И тут же практичная мысль: надобно уклониться, улизнуть, дельце-то не из приятных. Общий интерес — не личный, за который и в огонь и в воду. Говорят: «Надо, Федя, надо». А кому — надо?

Вопрос матери героя взбудоражил многих. Одни в «Почему не твой?» услышали откровение. Другие усмотрели бахвальство перед камерой. Третьи злословили: «Гордится, что лишилась сына? Что поимела? (Так и говорили — “поимела”.) Посмертный кусок железяки?»

В свете последних событий вопрос вроде как забылся, всплыл недавно. «Последние события» в нашей истории никак не прекратятся: то надо соседям помочь, то, наоборот, защититься от них. Сжимается пространство вокруг, сдавливает сердце.

Обычно в выходные листаю соцсети. У меня ритуал — смотреть ролики в память героев СВО. Единственное, что могу сделать для погибших, — взглянуть в их глаза на экране и искренне сожалеть, что так скоротечна была их жизнь. Удивляюсь разнообразию лиц и фамилий. До чего же все разные — и до чего красивые (в мундирах, в камуфляже все мужчины смотрятся брутальными красавцами). Нарезки эти смотрю до конца, как бы ни хотелось скорее переключиться на легкую тематику. Моих на фронте нет. Под мобилизацию не подпадают. Пока. Но за тех, кто сейчас там, болит душа.

Сосредоточилась на работе, надеясь, что ком в груди рассосется. Заказов немного, будний день, в зале несколько преданных заведению посетителей. Среди них два ВИПа. Бармен Артем уверяет, будто это эфэсбэшник и криминальный авторитет. Они приезжают в полностью тонированных автомобилях. Кто из них кто — не различить. У них здесь место встречи, продают друг другу информацию, смеется Артем. Из-за важных персон парень иногда задерживается почти до утра, а ему добираться до дома в частный сектор, в темень, пешком. Но клиент всегда прав.

Разгоряченные выпивкой, ВИПы беседуют активно, включают темперамент. Фразы долетают до кухни, когда официанты открывают-закрывают дверь.

— Лучше отсидеть за уклонение, чем на поле...

— ...За Родину, вперед! А потом обратно. — Чокаются так, что слышно в кухне. — Освобождаем сознание!..

— ...Двести тысяч в Казахстан двинуло.

— Мобилизацию там проведем.

— Ха-ха.

— И оставшихся «мобиков» хватит. И на замену, и на подмену.

И опять хохочут. Нет, сегодня не мой день, нервы на пределе. Перед глазами — красно-черный автобус. Мне надо двигаться, чтоб усмирить

растущий внутри гнев. Схватила тарелку с нарезкой («силовик» и «бандит» повторили заказ), вынесла — вместо официантки — и со стуком поставила на стол перед ВИПами. Мужчины посмотрели на меня как на дурочку и вернулись к беседе.

— Вот, глянь. — Один другому протягивает телефон. — Он труп, а она — ни слезинки, представь? Я специально пересматривал.

Мельком увидела картинку на экране смартфона. Похоже, с тех самых похорон, где мать прощалась с сыном-героем. Казалось, мужчины не смеялись, они расстреливали своим смехом ту женщину, а заодно и меня. И я сорвалась.

— Да что вы знаете о слезах?! — закричала я на важных клиентов. — Вы хоронили кого-нибудь, когда ни слезинки не выдавить? Собственными глазами видишь, человек в гробу, но это не он, кто-то похожий на него! Информация не оседает в голове, потому что этого не должно быть, это невозможно! Этого не может быть, и этого нет!

Один из них поднялся.

— Девушка, я не танцую.

— У вас дети есть? — Остричь я не собиралась.

— Да не волнуйтесь вы так. Всё мы понимаем. — Второй тоже встал. Успокаивает — увидел, что иду на штурм.

— Понимаете?! Она жить не смогла, а вы — «плакать»! — Мне все еще казалось, что они обсуждали мать героя. — Скончалась она уже, полгода не протянула без сына! А вы о ней... Вас кто родил, растил?!

Я не помню, что говорила дальше. Подошел Артем, попытался увести меня от их стола.

Открылась дверь. В кафе вошел скукоженный от холода мужчина. Остановился, как-то растерянно оглядывая помещение. Все отвлеклись на него. Я замолчала, переводя дыхание. Мужчина поздоровался, сказал, что ищет Ларису. Это наш сушеф. Девочка-официант побежала в кухню. Появилась Лариса, на ходу поправляя колпак. Встала в наш полукруг. Приготовилась слушать.

— Я работаю в медколледже. Нас... мы... Мне вручить повестку надо, — запинаясь, сказал посетитель.

Бедные подневольные бюджетники. Их заставляют доставлять повестки по городу. Военкоматские не успевают.

— Вчера был по адресу, стучался, не открыли. Соседи сказали, вы недалеко работаете. Извините, распишетесь, что получили за сына повестку в руки? — Посыльный стал копошиться в сумке на боку. — Для подстраховки.

Меня холодом сковало: за сыном Ларисы пришли. Он всего год назад вернулся со срочной, служил поваром. Мы еще шутили: повезло. Если в мать, то простодушный парень. Живет отдельно, с девушкой, поэтому его не застали дома.

— Не бери в руки, имеешь право. — Артем заговорил громко, прикрыл руку Ларисы своей. ВИП-персоны с напряжением следили за происходящим. — Они должны вручить самому...

— Олегу.

— ...Олегу. Распишешься — повестка считается врученной. Доказывай потом, что это не его подпись. Сын должен будет явиться, иначе...

— ...судебное дело, — закончил мужчина из медколледжа.

На несколько секунд Лариса ушла в себя. Потом протянула руку:

— Где расписаться?

Посыльный обрадовался, даже не скрывая этого. Быстро передал военкоматский квиток. Присутствующие молчали.

— Он должен...

— Знаю, — резко оборвала его Лариса. — Там все написано.

Расписалась в судьбе сына. Развернулась и ушла в кухню.

Лариса сидела с повесткой в руке, оперевшись о стену спиной, ни на что не реагируя. Ее никто не трогал. Я села рядом, обмякнув после нервного срыва.

Артем принес нам какао. Он угощает персонал вкусным какао. Мы грели руки о свои бокалы, отхлебывали маленькими глоточками.

— Бабушка рассказывала, ей вручили повестку деда. Наверное, поэтому и я подписала. Дура! — обозвала себя Лариса.

Что я могла ей сказать? Лишь бы Олежек вернулся, иначе вдруг она не позволит себе жить, как и та женщина.

В последующие дни Лариса держала нас в курсе, что и как. Знакомые с ситуацией ребята просветили: не суетиться особо, главное — иметь крепкий бронезилет. Подключился Артем, нашел бронезилет, персонал скинулся, купили. Олег — стрелок, пока под Воронежем. Пока звонит. «Пойдет на задачу, не сможет звонить», — готовит Ларису к предстоящим тревоблениям бармен. Не расстраивайтесь раньше времени, говорит, так бывает.

А я не могу не расстраиваться. Ставлю себя на место Ларисы и той женщины. Думаю, почему одни следуют долгу, вторые — укрываются за спинами первых. За себя-то ответить не могу, к какой группе сама принадлежу, тем более не могу объяснить, по какому принципу мы распределяемся на первых и вторых. Следовать долгу трудно, порою губительно, он тяжелый, требует жертв. А мы хотим, чтоб жертвовали не мы, ради нас. И страх понятен. «Почему мой, не ее?» «Я? Не сейчас, потом». «И вообще, я никому ничего не должен».

Время от времени взываю к богу Марсу и его замам, военкомам, спрашиваю, почему забираете? Нужны, отвечают, без них не управимся. А не управимся — всем будет плохо.